

Желание быть японцем

Александр ГЕНИС

Будучи лучшим писателем Японии, Мисима считал себя вправе претендовать на Нобелевскую премию, но ее дали Шолохову, от чего автор «Золотого храма» так и не оправился. Пять лет спустя, разочаровавшись в Западе, Мисима решил вернуть родину на путь, объединяющий, а не разлучающий (как требовала американская оккупационная администрация) «хризантему» с «мечом». Ради воскрешения воинственного национального духа писатель попытался совершить государственный переворот, который уже через полчаса закончился самоубийством провокатора.

Обряд сэппуку, однако, выглядел совсем не таким соблазнительным, каким его много раз представлял себе и блестяще описывал читателям Мисима. После того как автор, сняв с себя пошитый во Франции мундир выдуманной им добровольческой армии, вонзил антикварный клинок в солнечное сплетение, залившийся слезами юный ассистент не смог одним махом отрубить голову хрипящему классику. С Мисимой покончили со второго захода.

За несколько лет до этого в журнале «Бунгэй», где, как ни странно, мне тоже довелось печататься, Мисима опубликовал эссе, заранее объясняющее его дикую выходку.

– Французы, – писал он в нем, – сдались Гитлеру, потому что им было жалко Парижа.

– Японская история, – говорил Мисима, – отличается от европейской тем, что не различает оригинал и копию. Всякий храм подлежит обязательной перестройке.

В сущности, вся Япония – «новодел», вроде того, что москвичи не могут простить Лужкову. Соединив старое с новым и упразднив между ними разницу, история здесь притворяется вечной, как горы и реки, не говоря уже о море. Она так плавно вписалась в круговорот лет и зим, что жизнь стала плодотворным анахронизмом, сплавляющим раньше и позже в сплошное сейчас. И это объясняет, почему влюбленные в вещи японцы еще больше ценят принципы, позволяющие их изготавливать. Вполне официальным статусом «национального сокровища» в Японии пользуются не музейные раритеты, а мастера, умеющие их делать, – чашку, кимоно, корзину.

– Культуру, – писал Мисима, – надо не хранить, а творить.

Полагая «Путь самурая» высшим достижением имперского гения, Юкио Мисима вспорол себе живот, чтобы японская культура не стала «украшением вроде фонтана в универмаге».

По-моему, все это болезненная чепуха. Сам я считаю картинную смерть моего любимого японского писателя патологическим капризом исписавшегося гения. Каждый том его великолепно задуманной тетралогии получался хуже предыдущего. Может быть, поэтому, закончив буддийскую эпопею «Море избытия», которая обещала стать аллегорической историей Японии в лицах и чувствах, но не стала, Мисима в тот же день поставил кровавую точку.

Возможно, я не прав. Законченный шпак, даже в военное время годный лишь к нестроевой службе, я не могу в должной мере оценить солдатские радости – «окопное братство», «упоеание в бою» и самурайский кодекс «Харагурэ», лучшую строчку которого – «всегда считай, что ты уже мертв» – я, тем не менее, цитирую не реже «Трех мушкетеров». У Мисимы, впрочем, мне важно другое: он считал Японию не фактом, а руководством к действию.

В третий раз приехав в Японию, я уже знал, где ее искать. С одной стороны, это не сложнее, чем найти Кремль в Москве, с другой – требует настойчивости. Тем более что на этот раз я хотел обойтись без свидетелей.

Заняв место в скоростном поезде слева по движению, я, чтобы не пропустить Фудзияму, не отрываясь смотрел на безрадостную провинцию. Ее можно было считать и сельской местностью, ибо в уродливой гуще многоэтажных домов мелькали зеленые заплатки рисовых полей, бережно охраняемых государством.

Киото выглядел не лучше, но, не поддаваясь панике, я быстро ушел с вокзала к Сирогаве. На берегу воспетой поэтами речушки стоял маленький отель. В нем говорили лишь по-японски, и я жил молча, что делало визит еще больше похожим на паломничество.

Встав до рассвета, я сел в автобус, осторожно выбрав тот, на котором неоновыми горели выученные иероглифы. Сонные попутчики не стесняясь пялили на меня глаза. В ответ, как все белые в Японии, я кланялся до головокружения. От кольцевой было совсем близко до сухого сада, который каждый знает не хуже Эйфелевой башни. Молча поздоровавшись с дежурным монахом, я усаживался на циновку открытой веранды, настолько удобно, насколько это возможно для европейца в носках и джинсах, и ждал просветления.

Честно говоря, смысл всей затеи заключался как раз в том, чтобы ничего не ждать, но это труднее всего, и я коротал время, следя за игрой тени на камнях, пока не приходили дети. Вместо того чтобы созерцать серую полосу гравия, школьники разглядывали меня, возможно, принимая за Будду – тот ведь тоже был иностранцем. Экскурсии сменяли друг друга часто, как облака, и на третий день я научился ни на что не обращать внимания,

включая сад, ради которого пересек океан.

Намозолив глаза, сад стал фоном сознания. Мне больше не хотелось о нем писать, говорить и думать. Вобрав сад в себя, как земля – полувросшие камни, я отправился обратно, уверенный в том, что теперь он всегда будет под рукой.

Желание быть японцем время от времени охватывает всех моих знакомых, ибо Япония – самая радикальная и соблазнительная альтернатива Западу. Любовь к ней обычно кончается стихами. Что и понятно: балансируя между озарением и пошлостью, хокку страдают от имитации, напоминая несостоявшуюся частушку без рифмы. Еще хуже поддается переводу драгоценная в японской традиции спонтанность художественного выражения. Не умея оценить высокую безыскусность преодоленного мастерства, мы обходимся без последнего, как это случилось со мной, когда я пытался выдать нарядную кляксу за живопись тушью. На чужой почве фундаментальные свойства японского вкуса – упрощенность, асимметрия и доверие к случаю – вырождаются в ту простоту, что хуже воровства, как говорил любимый писатель Японии Максим Горький. Похитить простое труднее сложного.

Это еще не значит, что нам нельзя подражать японцам. Можно, но лучше так, чтобы они об этом не знали. Все встреченные мной японцы были нормальными людьми. Они ненавидели самураев, знали гейш только по американским фильмам, терпеть не могли театр. Но, на худой конец предпочитая спектакли кабуки, но не чаще, чем мы – ансамбль Моисеева.

Нью-Йорк